

Священник Димитрий Лушников

Естественное богословие профессора Московской духовной академии протоиерея Федора Голубинского (1797–1854)

УДК 271.2-756(470-25):27-21

DOI 10.47132/2541-9587_2024_3_34

EDN EUWOPZ

Аннотация: Статья посвящена изучению рационально-теологического наследия профессора философии Московской духовной академии протоиерея Федора Голубинского (1797–1854). Проанализированы основные положения курса его лекций по естественному или умозрительно-му богословию. Показаны обнаруженные в ходе исследования философские влияния, в той или иной степени определившие содержательное наполнение данного курса. Отмечается, что к несомненным достоинствам «Умозрительного богословия» протоиерея Федора Голубинского можно отнести: 1) разработку им вопросов об условиях эффективности применения рациональных способов богопознания и эпистемическом статусе доказательств бытия Божия, 2) наличие подробного разбора аргументов критики традиционных доказательств существования Бога (включая Кантову критику онтологического аргумента), 3) определение конечного значения или доказательной силы данных доводов для естественного богословия и формирования религиозного мировоззрения. Делаются выводы: 1) отдельные решения протоиерея Федора Голубинского остаются актуальными для современной аналитической философии религии и философской теологии, 2) несмотря на эклектический характер рационально-теологических построений, в целом протоиерею Федору Голубинскому удалось создать оригинальную систему естественного богословия, ставшую фундаментом для дальнейшего развития отечественного духовно-академического основного богословия (при этом самого автора можно считать одним из родоначальников последнего).

Ключевые слова: Московская духовная академия, протоиерей Федор Голубинский, метафизический теизм, естественное богословие, основное богословие, апологетика, доказательства существования Бога, божественные атрибуты.

Об авторе: Священник Димитрий Юрьевич Лушников

Кандидат богословия, кандидат теологии, доцент, заведующий кафедрой богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371>

Для цитирования: Лушников Д. Ю., *свящ.* Естественное богословие профессора Московской духовной академии протоиерея Федора Голубинского (1797–1854) // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). С. 34–63.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 05.07.2024; принята к публикации 08.07.2024.

PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT OF THEOLOGY

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (23)

2024

Priest Dimitry Lushnikov

Natural Theology of the Moscow Theological Academy Professor Archpriest Fyodor Golubinsky (1797–1854)

UDC 271.2-756(470-25):27-21
DOI 10.47132/2541-9587_2024_3_34
EDN EUWOPZ

Abstract: The article is devoted to studying the rational theology heritage of archpriest Fyodor Golubinsky (1797–1854), the Moscow Theological Academy professor of philosophy. The main provisions of his lecture course on natural or speculative theology have been analyzed. The philosophical influences discovered during the research, which to one degree or another determined his course content, have been demonstrated. It has been noted that undoubted advantages of archpriest Fyodor Golubinsky's *Speculative Theology* include: 1) his development of questions about the conditions for effective use of rational methods of knowledge of God and for epistemic status of the proofs for God's existence, 2) the presence of a detailed analysis of the arguments for criticizing traditional proofs for God's existence (including Kant's criticism of ontological argument), 3) determination of the ultimate significance or evidential power of these arguments for natural theology and for the formation of a religious worldview. The following conclusions have been drawn: 1) some of archpriest Fyodor Golubinsky's solutions remain relevant for modern analytical philosophy of religion and for philosophical theology, 2) despite the eclectic nature of his rational theology constructions, in general, archpriest Fyodor Golubinsky managed to create an original system of natural theology, which became the basis for further development of national fundamental theology in theological academies (while the author himself can be considered one of its founders).

Keywords: Moscow Theological Academy, archpriest Fyodor Golubinsky, metaphysical theism, natural theology, fundamental theology, apologetics, proofs for God's existence, divine attributes.

About the author: Priest Dimitry Yurievich Lushnikov

Cand. Sc. in Theology, Cand. Sc. in Divinity, Associate Professor, Head of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371>

For citation: Lushnikov D. Yu., priest. Natural Theology of the Moscow Theological Academy Professor Archpriest Fyodor Golubinsky (1797–1854). *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (23), pp. 34–63.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 05.07.2024; accepted for publication 08.07.2024.

Протоиерей Федор Александрович Голубинский родился 22 декабря 1797 г. в семье костромского псаломщика (впоследствии священника) Александра Андреевича¹. С 1806 по 1814 гг. обучался в Костромской духовной семинарии, в 1818 г. окончил Московскую духовную академию «с преимущественным успехом»², был возведен в степень магистра и оставлен при академии бакалавром философских наук. Научно-преподавательская карьера Федора Александровича развивалась достаточно успешно: «наделенный от природы богатыми дарами ума и сердца, Голубинский постоянным прилежанием и глубоким вниманием к себе умел с успехом воспользоваться ими»³. С 1822 г., спустя всего четыре года после окончания академии, Голубинский уже экстраординарный, а с 1824 г. — ординарный профессор кафедры философии Московской духовной академии. В 1828 г. Голубинский рукоположен во священника, а в следующем году произведен в протоиерея. В течении 36-ти лет своей академической службы, т.е. до 1854 г., о. Федор читал лекции по истории философских систем (1818–1822, 1830–1842), метафизике (1822–1830, 1842–1854), нравственной философии и введению в философию (1824–1830)⁴. Скончался прот. Федор Голубинский 22 августа 1854 г., на 57 году своей жизни. Похоронен на кладбище св. ап. Иоанна Богослова на малой родине, в Костроме.

Отличительной особенностью преподавания философских дисциплин прот. Федором Голубинским была ясность изложения материала. Как считает проф. С. С. Глаголев, это качество было далеко не всегда присуще лекциям по философии, особенно в первую половину XIX столетия⁵, однако проф. Голубинскому удавалось «мудреные философские системы» излагать «необыкновенно понятно и просто»⁶, что свидетельствовало не только о громадном философском и педагогическом таланте профессора, но и о существенном и усидчивом его труде⁷.

При этом, по замечанию одного из биографов прот. Федора, «он не любил печатать своих произведений», поэтому опубликованные после его смерти лекции «суть только записи его классных чтений, сделанные его слушателями»⁸. По мнению проф. А. И. Введенского, эти записи были выполнены

¹ По свидетельству С. С. Глаголева, «в то отдаленное время люди не считали необходимым запастись фамилиями, не имел ее и Александр Андреевич, но своему сыну при поступлении в Костромскую семинарию дал фамилию “Голубинский”» (Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский (Его жизнь и деятельность) // Богословский вестник. 1897. № 12. С. 439).

² Б/а. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. Биографический очерк. М., 1855. С. 6.

³ Б/а. Биографический очерк и характеристика академических чтений Ф. А. Голубинского // Лекции по философии профессора Московской Духовной Академии протоиерея Ф. А. Голубинского. М., 1884. С. 7.

⁴ Задорнов А., свящ. Голубинский Федор Александрович // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 721.

⁵ См.: Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 477.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же.

⁸ Б/а. Биографический очерк и характеристика академических чтений Ф. А. Голубинского. С. 19.

«к сожалению, — часто способом весьма несовершенным»⁹. В силу этого, как отмечает проф. С. С. Глаголев, «нужно помнить, что в этом напечатанном курсе только мысли Ф. А-ча: слог в нем принадлежит не автору, а записывавшим его студентам»¹⁰. Прот. Тимофей Буткевич еще более категоричен в оценке содержания опубликованных лекций. Он подчеркивает, что прот. Владимир Назаревский, к сожалению, записывал лекции не стенографически, и потому сомнительно, чтобы запись его точно передала их содержание: «по этой записи можно судить лишь о том, по какому плану, методу и к какой системе проф. Голубинский читал студентам свои лекции»¹¹.

Для настоящей статьи непосредственный интерес представляют прочитанные прот. Федором в расцвете творческих сил и являвшиеся частью его курса метафизики лекции по естественному богословию, которое он называл богословием умозрительным.

Основанием для изучения естественного богословия в рамках исследования истории становления основного богословия в Московской духовной школе может быть то, что 1) естественное богословие (*Theologia naturalis*)¹², будучи одним из видов теологии рациональной (наряду с аналитической философией религии, философской теологией и основным богословием), представляет собой опыт философского размышления о существовании и природе Бога и Его действии в мире. Двоякий характер ее задач, состоящих как в защите религиозной веры от попыток ее разрушения философствующим разумом, так и в расширении и уточнении горизонта богопознания (исходя из философских ресурсов, т.е. на основании присутствующих или естественных разуму законов мышления), во многом определили и предметную структуру данной теологической дисциплины. Проблематика естественной теологии в большей степени сосредоточена вокруг т.н. доказательств существования Бога и обоснования Божественных атрибутов. При этом в область ее интересов также традиционно попадают и вопросы о Промысле Божиим, сущности и происхождения зла, взаимоотношении религиозного и естественно-научного знаний. Таким образом, естественная теология практически полностью, за исключением раздела о Божественных атрибутах, помещается в предметную структуру современного основного богословия¹³; 2) лекции по «Умозрительному Богословию» проф. Голубинского не только входили в структуру его курса метафизики, но, будучи средоточи-

⁹ *Введенский А. И.* Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как профессор философии // *Богословский вестник*. 1897. № 12. С. 483.

¹⁰ *Глаголев С. С.* Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 476.

¹¹ *Буткевич Т., прот.* Исторический очерк развития апологетического или основного богословия. Харьков, 1899. С. 446.

¹² В современной богословской науке чаще употребляется термин «Естественная теология», поэтому далее оба термина будут использоваться как взаимозаменяемые.

¹³ О том, почему доктрина о Божественных атрибутах не попала в тематический канон курсов основного богословия см. специальную статью: *Лушников Д. Ю., свящ.* Божественные атрибуты в духовно-академическом основном богословии синодального периода // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2023. № 2 (18). С. 50–66.

ем последнего¹⁴ и являясь центральной и основной частью его метафизической системы, во многом определили характер и направление дальнейшего развития рационально-теологической мысли в Московской духовной академии как специального и отличного от богооткровенного (догматического) способа богословствования.

Первое издание лекций по естественному богословию прот. Федора было подготовлено магистром XIV курса Академии прот. Владимиром Назаревским, и представляет собой отредактированный свод его собственноручной записи и кратких записей других студентов, слушателей разных курсов¹⁵. Второе, дополненное издание было опубликовано сначала в 1884 г. в рамках серии из четырех выпусков лекций по философии прот. Федора, а затем отдельно еще раз в 1886 г. Материалом для дополнений послужили собственные весьма краткие наброски профессора, а также рукопись лекций бывших его слушателей братьев П. и А. Троицких¹⁶. Именно это последнее, т. е. 1886 г., издание будет использоваться в настоящей статье.

Умозрительное или Естественное богословие прот. Федора Голубинского

К началу преподавательской деятельности прот. Федора Голубинского наибольшим влиянием и авторитетом среди учебников по философии в русских духовных академиях и семинариях пользовалась неоднократно переизданная «Метафизика» Фридриха Христиана Баумейстера (1698–1785), наиболее известного последователя философских учений Лейбница и Вольфа¹⁷. По мнению В. В. Гилевой, активное использование в преподавании философских дисциплин учебников и трудов последователей Лейбница и Вольфа было связано с тем, что лейбнице-вольфианская система образования, заимствованная из программы обучения немецких университетов¹⁸, была «наиболее благоприятной для философского обоснования религиозных истин, почему с этого времени она окончательно вытеснила из академического преподавания схоластические рукописные трактаты, основанные на началах Аристотеля»¹⁹.

¹⁴ Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. Академические лекции. Изд. 2-е, доп. М., 1886. С. 3. (Прим. ред.)

¹⁵ Голубинский Ф. А. прот. Лекции по умозрительному богословию, со слов профессора философии в МДА прот. Ф. А. Голубинского, записанные в 1841/2 учебном году студентом Академии XIV курса В. Назаревским. М., 1868.

¹⁶ См.: Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 3. (прим. ред.)

¹⁷ См.: Абрамов А. И. Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Сборник научных трудов по истории русской философии. М., 2005. С. 232–233.

¹⁸ Гилева В. В. Влияние немецкого философского идеализма XVIII – начала XIX веков на русский духовно-академический теизм: дисс. ... канд. филос. н. Владивосток, 2009. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 16–17. Постепенное замещение схоластики на вольфианство было начато в Киево-Могилянской академии при непосредственном участии известного деятеля духовного просвещения, ректора архимандрита Георгия Конисского (1717–1795) (впоследствии архиепископ Могилевский), талантливого ученика архиеп. Феофана (Прокоповича). Именно Георгий Конисский в середине XVIII в. и его преемники одни из первых начали придерживаться лекционной системы Баумейстера в преподавании.

Труд Ф. Х. Баумейстера состоит из четырех частей: 1) онтологии; 2) космологии или науки о мире вообще; 3) психологии или науки о духах; и 4) богословии *естественной* (курсив мой. — *свящ. Д. Л.*). Последняя представлена пятью главами: о бытии Бога, о Сущности и свойствах Бога, о разуме Божиим, о воле Божией и о делах Божиих²⁰.

У прот. Федора сохраняется четырехчастная структура курса метафизики, но, в отличие от Баумейстера, естественное богословие состоит из введения и трех отделений: о бытии Божиим, о свойствах Божиих и о делах Божиих. Вторую, третью и четвертые главы естественного богословия Баумейстера прот. Федор вполне обоснованно объединяет в единый раздел, поскольку главы о разуме и воле Божиих посвящены теистическим атрибутам (всеведения, всемогущества и всеблагости) и также относятся к доктрине о божественных свойствах.

Введение прот. Федор начинает кратким историческим обзором возникновения и становления естественного богословия, полагая его начало в античной философии и связывая с именами Ксенофана, Пифагора, Сократа, Платона, Плотина и его последователей. Дальнейшее существенное развитие естественное богословие получает, по его мнению, в период христианской схоластической философии, где наиболее значимыми фигурами он считает Ансельма Кентерберийского и Фому Аквинского²¹.

Из мыслителей Нового времени, «издавших сочинения по предмету умозрительного богословия»²², проф. Голубинский отмечает Р. Декарта и его последователей, среди которых особенно выделяет Ф. Фенелона (1651–1715)²³ и П. Пуаре (1646–1719)²⁴, считая их сочинения одними из лучших пособий для естественного богословия, пусть и не представляющими из себя полноценных систем, но содержащими «много живых, оригинальных мыслей о свойствах Божиих»²⁵. Особый вклад в развитие естественного богословия

В Москве постепенное вытеснение аристотелевской схоластики из содержания преподаваемых академических курсов началось при митрополите Платоне (Левшине; 1737–1812), когда руководства, составленные по Аристотелю, были окончательно заменены на сочинения Баумейстера, достоинства которых считались ясность изложения, светлость мысли и хороший латинский язык (См.: Там же. С. 33–36).

²⁰ См.: *Баумейстер Ф. Х. Метафизика* / Пер. Я. Толмачева. М., 1808. С. 4.

²¹ См.: *Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие*. С. 7–10.

²² Там же.

²³ Отметим, что свт. Иннокентий, современник и соратник о. Федора на поприще духовно-академического рационального богословия, также высоко ценил труды епископа Камбрейского. О влиянии Ф. Фенелона на свт. Иннокентия см.: *Лушиков Д. Ю., свящ. Естественная теология в богословском наследии святителя Иннокентия (Борисова) // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 2. С. 281.*

²⁴ Как отмечает известный церковно-исторический автор, ректор и профессор Московской духовной академии прот. Сергей Константинович Смирнов (1818–1889), по отзыву самого проф. Голубинского, при составлении лекций по естественному богословию он во многом руководствовался «Размышлениями о Боге, душе и зле» (*Cogitationum rationalium de Deo, anima et malo libri IV. Амстердам, 1677*) Пьера Пуаре (*Смирнов С. К., прот. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)*. М., 1879. С. 49).

²⁵ *Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие*. С. 11.

как богословской системы прот. Федор обнаруживает в школе Г. Лейбница, указывая при этом и на существенные ее недостатки, к примеру, в системе Х. Вольфа, которая, несмотря на свою внешнюю стройность и упорядоченность, практически лишена «живого духа»²⁶.

По проф. Голубинскому, И. Кант придал рациональному богословию совсем иной вид, переместив его в область нравственной философии, что, в то же время, не стало серьезным его усовершенствованием, поскольку им «были только потрясены многие сильные доводы бытия Божия, но заменены основаниями односторонними и потому слабыми»²⁷. После же Канта, считает прот. Федор, ни философия, ни естественное богословие не получили вида стройной системы, в том числе и у Ф. Г. Якоби (1743–1819)²⁸. Несмотря на то, что последний предложил наилучший вариант данной дисциплины, одним из существенных недостатков его системы является неправильное объяснение отношения естественного богословия к откровенному²⁹. Учитывая это, прот. Федор определяет собственный вектор развития естественного богословия, согласно которому следует «идти своим путем, на основании известных начал, принимая то, что найдется лучшего у различных мыслителей, и отвергая то, что в их учении несогласно с началами здравого разума»³⁰.

Далее проф. Голубинский переходит к рассмотрению методологических вопросов – идентичности естественного богословия, его источников и предметной составляющей. Определяя умозрительное богословие как «систематическое познание о Боге, т. е. о бытии, свойствах и действиях Его, которое может быть составлено под руководством идей ума с помощью внутреннего и внешнего опыта»³¹, прот. Федор указывает на его источники, взаимосвязанные между собой и состоящие 1) в идее ума о Бесконечном и 2) в данных внешнего и внутреннего опыта.

Идея о Существо Бесконечном является ключевой в системе естественного богословия прот. Федора. Именно в свете этой априорной идеи, «прежде опыта нам принадлежащей»³², умозрительное богословие должно показать, «как в бытии и свойствах вещей, наблюдаемых опытом, открываются следы бытия и совершенств Божиих»³³. При этом, сама в себе идея о Бесконечном не включает никакого определенного познания и является более потребностью, побуждающей разум к приобретению такового познания, заставляющей искать познания Существа Всесовершенного, как начала и цели всякого совершенства. Руководствуясь идеей Бесконечного, разум становится

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 11–12.

²⁸ По словам прот. С. К. Смирнова, к Якоби о. Федор относился с особенным уважением и симпатией, считая его сочинение о Спинозе (Об учении Спинозы в письмах к Мендельсону (Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an Mendelssohn. Бреслау, 1785; 1789)) наиболее важным (См.: *Смирнов С. К., прот.* История Московской духовной академии... С. 50).

²⁹ См.: *Голубинский Ф. А., прот.* Умозрительное богословие. С. 12.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 14.

³³ Там же.

инструментом естественного богопознания, когда приводит в единство разрозненные и многообразные данные, заимствованные из внешнего и внутреннего опыта и свидетельствующие о бытии Бога³⁴.

Для исследования данных внешнего и внутреннего опыта, которые позволяют раскрыть и объяснить идею о Бесконечном, разум человека, по мнению проф. Голубинского, употребляет три способа, близко примыкающие друг ко другу: 1) путь причинности (*via causalitatis*), т. е. восхождения от конечного к Бесконечному; 2) путь отрицания (*via negationis*), когда разум в существах конечных отделяет все несовершенное, противоположное идее о Бесконечном; 3) путь превосходства (*via eminentiae*), который основан на выявлении однородного с идеей Божества в предметах, представляемых опытом, и есть видоизменение первого пути. Суть этой модификации состоит не просто в восхождении от конечного к Бесконечному, а в восхождении от образа к Первообразу³⁵.

При этом особое внимание прот. Федор обращает на то, что указанные им пути рационального познания Бога только тогда будут успешными, когда будут очищены. Для этого они «должны иметь начало в глубине сердца, исходить из опыта внутренней, духовной жизни и быть проверяемы ей»³⁶, поскольку идея о Бесконечном есть только семя, которое для своего развития в определенных понятиях требует полной и гармоничной деятельности духа. Последняя, в свою очередь, зависит от действия высших нравственных сил человека, направленных на непрестанное искание Бога³⁷.

Первая глава «Умозрительного богословия» посвящена доказательствам существования Бога — одному из наиболее важных топосов как естественного, так и основного богословий. Поэтому рассмотрим данный раздел более подробно.

Приступая к изложению доктрины доказательств бытия Бога или обоснованию истины Его существования, прот. Федор сначала определяет эпистемический статус аргументов в пользу существования Бога и решает вопрос их классификации.

Так, он указывает, что понятие «доказательство» не применимо к истине бытия Бога в полной мере, т. к. утверждение «Бог существует» есть первая и главная истина, на которой основываются все другие истины: «поелику Бог есть начало всякого бытия и всякой существенности, то и познание о бытии Его есть первое и основное знание, из коего все прочие заимствуют свою силу»³⁸. Поэтому для проф. Голубинского доказательство бытия Бога вывести невозможно, а знание о Его существовании базируется на непосредственной, присущей разумным существам уверенности, заключающейся в идее о Бесконечном, которая есть одновременно некий «орган» к принятию Божественного Откровения, т. е. воздействия Бога на наш дух. Таким образом, идея о Боге как существе Бесконечном есть некая аксиома нашего сознания

³⁴ См.: Там же. С. 17–18.

³⁵ Там же. С. 13–15.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ См.: Там же. С. 15–16.

³⁸ Там же. С. 21.

(*axioma conscientiae*), некое начало, которое доказывать нельзя (*principium indemonstrabile*)³⁹.

Однако данное положение вовсе не означает для проф. Голубинского, что из одного только «самосознания можно увериться в бытии Божиим, не принимая в пособие других посредствующих, частных доказательств сей истины»⁴⁰. В силу того, что в своем настоящем состоянии человек не находится в непрерывном самосознательном общении с Богом и не имеет непосредственного созерцания предмета идеи Бесконечного, для прот. Федора рациональные доводы в пользу истины бытия Божия становятся необходимыми 1) для раскрытия содержания идеи о Бесконечном и 2) для уверения сомневающихся и защиты от отрицающих эту истину. При этом, данные рациональные обоснования или философские размышления, хотя и способствуют утверждению и объяснению истины бытия Божия, ее предохранению от превратного толкования, все же остаются только посредствующими доводами, а не первыми основаниями этой априорной истины, в силу чего не могут быть названы доказательствами в точном значении этого термина⁴¹.

Существующие рациональные доводы в пользу существования Бога прот. Федор подразделяет на заимствованные из внешнего и внутреннего опыта, располагая их в следующем порядке: онтологический, космологический, телеологический, исторический, от рассмотрения высших потребностей человека, нравственный и от религиозного опыта. Примечательно, что кроме изложения самих аргументов проф. Голубинский подробно разбирает их критику, определяя в конечном итоге их значение и доказательную силу.

Поскольку *онтологический довод* прот. Федор характеризует как общий и наиболее значимый, ведущий к раскрытию не каких-то отдельных свойств, но «полного понятия о Боге, как Существо Бесконечном по бытию и совершенствам»⁴², а все прочие частные доводы лишь прикрепляясь к нему обретают свою силу⁴³, рассмотрим его более подробно.

Разбор онтологического довода проф. Голубинский начинает с изложения исторически сформировавшихся его форм у Ансельма Кентерберийского⁴⁴ и Декарта⁴⁵. Далее, отметив поддержку данного довода Лейбницем, он переходит к разбору и опровержению его критики Кантом. По мнению прот. Федора, Кант указывал на два основных недостатка в данном доводе: 1) в необоснованности меньшей посылки, утверждающей, что бытие есть совершенство, поскольку существование не является качеством, прибавляющим что-либо нового к содержанию понятия; 2) в переходе от мыслимого представления к реальному бытию⁴⁶.

³⁹ См.: Там же. С. 21–22.

⁴⁰ Там же. С. 22.

⁴¹ См.: Там же. С. 22–24.

⁴² Там же. С. 32.

⁴³ См.: Там же. С. 35.

⁴⁴ *Ансельм Кентерберийский*. Прослогион // *Ансельм Кентерберийский*. Сочинения / Пер. с лат. Т. В. Купреевой. М., 1995. С. 128–130.

⁴⁵ *Декарт Р.* Размышления о первой философии // *Его же*. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 54–88, 108–124.

⁴⁶ Ср.: *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. М., 1994. С. 358–364.

Свою контраргументацию прот. Федор выстраивает на уточняющих онтологическое доказательство Ансельма доводах Декарта, который различал в уме человека разные типы представлений: 1) химерические, не заключающие в себе никакой необходимости, и о которых нельзя делать заключение к бытию; 2) имеющие необходимость условную (*necessitas hypotetica*), которые могут быть и могут не быть; 3) исключительное понятие о Существом Всесовершенном, которому принадлежит необходимость безусловная (*necessitas absoluta*), что делает Его несуществование невозможным для ума, т.к. разрушает сущность самого понятия. Считая картезианское обоснование онтологического довода у Канта не опровергнутым, прот. Федор все же подкрепляет его противокантовскими суждениями Гегеля, согласно которым в случае идеи о Боге переход от мышления к бытию будет совершенно справедливым⁴⁷.

В итоге проф. Голубинский делает вывод: «если не усвоить мышлению человеческому понятия о Существом необходимом, то не будет основания для уверения в каком бы ни было бытии... Если бы в духе человеческом, вместе с устройством его, не была насаждена идея о совершенно необходимом, Бесконечном: то невозможен был бы переход в мысли от случайного к необходимому, от конечного к бесконечному; потому что это прямо противоположные понятия. Так если идея о совершенно необходимом необходимо существует в нашем духе, то предмет ее имеет реальное бытие. В этом исключительно одном случае заключение от мышления к бытию совершенно верно»⁴⁸.

Что касается возражения Канта о том, что бытие не является качеством, то, по мнению прот. Федора, «оно не крепко и не заслуживает внимания, как привязка только к слововыражению», поскольку «Ансельм не называл бытие качеством»⁴⁹. Другими словами, верная сама по себе мысль Канта не базируется на доводе Ансельма, который утверждал только то, что в самой идее Существом совершеннейшего содержится два элемента — полнота совершенств и действительное бытие⁵⁰.

В целом, для проф. Голубинского данный довод хотя и не является в строгом смысле слова доказательством, но, тем не менее, его положительное значение определяется тем, что он с твердостью доводит до сознания представление о Существом бесконечно совершенном как реально существующем не только в уме, но и в действительности. При этом доказательная сила довода напрямую зависит от отсутствия или наличия в человеке превратных умствований или безнравственной жизни. Другими словами, когда идея о Существом Бесконечном заглушена намеренным отрицанием ее присутствия в человеческом духе, когда наличие ее перестает быть очевидным, то и рассматриваемый довод не будет убедительным⁵¹. Однако, по прот. Федору, отрицание идеи Бесконечного необходимо влечет за собой и отрицание прирожденных

⁴⁷ См.: Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 31–32. Ср.: Гегель Г. В. Ф. Лекции о доказательстве бытия Бога // Философия религии: в 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 488.

⁴⁸ Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 32.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: Там же С. 33.

⁵¹ См.: Там же. С. 34.

человеку потребностей и высших стремлений к истине, благу и блаженству, что неминуемо поставляет его на одну ступень бытия с животными⁵².

В основу изложения *космологического довода* прот. Федор полагает лейбнице-вольфианскую его формулировку⁵³, построенную на умозаключении от случайного к необходимому и существенно опирающуюся на принцип достаточного основания. Особое внимание при рассмотрении данного довода он уделяет вопросу «немыслимости безначального ряда причин или вещей», т. е. невозможности бесконечного регресса в иерархическом ряду⁵⁴.

При обосновании необходимости начала для иерархического ряда причин проф. Голубинский, обращаясь к наследию Фомы Аквинского⁵⁵ и немецкого философа эпохи Просвещения, деиста Германа Реймаруса (1694–1768)⁵⁶, отмечает, что каждый член причинно-следственного ряда, будучи изменяющимся, уступающим место другому и прекращающимся, не зависит в бытии от самого себя, т. е. не имеет полноты бытия, поэтому и весь ряд, несмотря на то что простирается в бесконечность, достаточную причину бытийности не обнаруживает. Таким образом, простирая ряд конечных причин без начала в бесконечность означает отвергать коренное требование разума — искать и находить достаточную причину. Противоречие для разума здесь в том, что «бесконечный ряд причин держится ни на чем»⁵⁷. В то же время прот. Федор обращает внимание, что речь здесь идет лишь о невозможности бесконечно длежащегося ряда причин, обращенного в прошлое, а не простирающегося в будущее. Последнее допустимо, например, в случае бытия нравственных существ, сотворенных Богом, поскольку их причина в Существо самосущем, имеющим вечное бытие⁵⁸.

По проф. Голубинскому, сила космологического довода в том, что он основан на требованиях логического мышления, согласно которым все существующее должно иметь достаточную причину, а для случайных существ таковой

⁵² См.: Там же.

⁵³ См.: *Лейбниц Г. Монадология* // Собр. соч.: в 4 т. М., 1982. С. 418–419; *Вольф Х. Метафизика*. § 928–930 // *Христиан Вольф и философия в России*. СПб., 2001. С. 323–324.

⁵⁴ См.: *Голубинский Ф. А., прот.* Умозрительное богословие. С. 35–39.

⁵⁵ Здесь проф. Голубинский прибегает к цитированию второго пути Фомы, который назван у последнего «вытекающим из природы действующей причины» (*Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. К., 2002. С. 26).

⁵⁶ Основными трудами Реймаруса, почетного члена Петербургской академии наук, считаются «Рассуждения о важнейших истинах естественной религии» (*Abhandlungen von den vornehmsten Wahrheiten der natürlichen Religion*, 1755) и «Апология или защита разумных почитателей Бога» (*Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes*, 1874–78), изданная после смерти автора и известная также как Вольфенбюттельские фрагменты. По мнению Л. Э. Крыштоп, немецкий философ, признавая значимость естественной религии и важность естественной теологии, отрицал богодухновенность Священного Писания, низводя его на уровень любого другого текста религиозного содержания. В результате он отвергал истинность большей части христианских догматов, в том числе о Боговоплощении и Воскресении Иисуса Христа (См.: *Крыштоп Л. Э.* Кант и теологическая мысль немецкого просвещения. Калининград, 2023. С. 136–142).

⁵⁷ *Голубинский Ф. А., прот.* Умозрительное богословие. С. 44.

⁵⁸ См.: Там же. С. 40–42.

может быть лишь Существо необходимое, которое не может не быть и имеет бытие от самого себя. Отвергая космологический аргумент, мы оставляем требования ума неудовлетворенными. При этом, следуя своей концепции априорности идеи Бесконечного, прот. Федор утверждает, что данный довод не обосновывает идеи о Боге, но сам основывается на ней, поскольку если бы мы не имели изначально идею о Существо бесконечном, то вполне могли успокоиться на бытии случайном и условном⁵⁹. Значение космологического довода в том, что он раскрывает в идее Существа Бесконечного свойства необходимости, вечности и неизменности⁶⁰.

Телеологическое доказательство, которое проф. Голубинский называет *физико-телеологическим доводом*, также, по его мнению, основывается на законе достаточного основания, согласно которому в следствии не может полагаться более того, что есть в причине. Поэтому от целесообразного устройства мира наш разум необходимо заключает к бытию разумного ее Виновника — премудрого Художника мира⁶¹. Для подтверждения данного положения прот. Федор приводит известную аналогию Цицерона со случайным использованием букв греческого алфавита⁶².

Отмечая, что данный довод «был любимым у здравомыслящих философов»⁶³, проф. Голубинский первые исторически сложившиеся его формы возводит к Сократу и Платону⁶⁴, а также к Аристотелю и стоикам. Из философов Нового времени, разрабатывавших телеологическое доказательство, он выделяет У. Дерхэма (1657–1735)⁶⁵, Вольфа, Реймаруса и Фенелона, особое

⁵⁹ См.: Там же. С. 45–46.

⁶⁰ См.: Там же. С. 46.

⁶¹ См.: Там же. С. 46–49.

⁶² Во второй книге «О природе богов» Цицерон пишет: «Так как же мне не удивляться человеку, убедившему себя в том, что существуют какие-то плотные и неделимые тела, которые носят [в пространстве] под действием силы тяжести, и что от случайных столкновений между этими телами образовался прекраснейшим образом украшенный мир? Не понимаю, почему бы человеку, который считает, что так могло произойти, не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну буквы, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся “Анналы” Энния, так что их можно будет тут же и прочитать. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка» (*Cicero. De natura deorum. II. XXXVII. 93*).

⁶³ Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 49.

⁶⁴ Действительно, впервые телеологический довод встречается у Сократа в беседе с Аристодемом, о чем свидетельствует Ксенофонт (*Xenophon. Memorabilia I. 4. 8–10*). Также о Федор прав, когда упоминает о «Законах» Платона, где последний говорит о мировой Душе, «вечно наделенной Умом как богом», которая управляет всем, что находится на небе, на земле и на море, и все приводит в движение (*Plato. Leges X 896e–897c*). Но более раннее использование телеологического аргумента у Платона все же обнаруживают в диалогах «Филеб» (*Plato. Philebus. 28d–30e*) и «Тимей» (*Plato. Timaeus. 30cd*) (Подробнее см.: Фокин А. Р. От разумного творения к разумному Творцу: античные и патристические аналогии аргумента от «тонкой настройки» // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 73. С. 31–33).

⁶⁵ Уильям Дерхэм, как представитель естественной теологии, занимался разработкой телеологического доказательства. Этой тематике посвящены его труды: «Искусственный часовщик» (1696), «Физико-теология или доказательство существа и атрибутов

внимание уделяя наработкам У. Пейли (1743–1805)⁶⁶, который «в своей натуральной теологии собрал почти все, открытое естественными науками в прежние времена, и заимствовал многое из новых результатов этих наук»⁶⁷.

Далее проф. Голубинский переходит к критическому разбору возражений против телеологического довода. Первое из них ставит под сомнение наличие целесообразного устройства мира на основании недостаточной изученности последнего. Контраргумент прот. Федора основан на утверждении, что, если мы уже имеем правдоподобные индуктивные заключения (*per inductionem*) от множества частей к целому, которые подтверждаются все более расширяющимся кругом наблюдений, то и отсутствие всеобъемлющего опыта миронаблюдения не может заставить нас отказаться от идеи премудрого Устроителя мира⁶⁸.

Другое возражение критиков телеологического довода (О. Конт, Ф. Бэкон) состоит в том, что телеологические исследования, основанные на произвольных допущениях, не имеют достаточной точности и только мешают действительному изучению природы, т. е. выявлению действующих причин (*causa efficientes*). Здесь прот. Федор ограничивается указанием на то, что исследование целей или конечных причин (*causa finalis*) в природе никак не противоречит рассмотрению действующих причин, т. к. последние через определение целей не становятся случайными⁶⁹. Поэтому истинный философ, «рассматривая действующие причины, никогда не будет пренебрегать исследованием целей, он с равным вниманием рассмотрит и динамическую и телеологическую связь»⁷⁰.

В целом же значение телеологического довода, согласно проф. Голубинскому, ограничивается лишь утверждением бытия мудрого Художника мира, не позволяя говорить о Нем как о Творце мира, приведшем последний из небытия в бытие. Данный вывод прот. Федора во многом соответствует оценке доказательства Кантом, который считал, что несмотря на наибольшее соответствие физико-телеологического доказательства обыденному человеческому разуму, оно все же лишено аподиктической достоверности и способно доказать только существование Зодчего мира, но не его Творца⁷¹.

Исторический довод бытия Божия проф. Голубинский также считает одним из самых древних⁷², а существующие попытки его опровергнуть, как по линии

Бога» (1713), «Христобословие или доказательство божественного авторитета христианской религии» (1730), «Астробиология или доказательство существа и атрибутов Бога из обзора Небес» (1731).

⁶⁶ Уильям Пейли, англиканский священник и христианский апологет, наиболее известен опубликованной в 1802 г. книгой «Естественное богословие или доказательство существования и атрибутов Божества, собранные из явлений природы».

⁶⁷ Голубинский Ф. А., *прот.* Умозрительное богословие. С. 50.

⁶⁸ См.: Там же. С. 53–54.

⁶⁹ См.: Там же. С. 54–56.

⁷⁰ Там же. С. 56.

⁷¹ См.: Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 375–377.

⁷² Например, Цицерон, обосновывая существование богов, пишет: «всем людям всех народов в общем известно, что есть боги, ибо это знание у всех врожденное и как бы запечатленное в душе» (*Cicero. De natura deorum* II. 4).

оспаривания первой посылки, т.е. факта всеобщности религии в человеческом роде (Локк), так и вывода заключения, — бесплодными. Сам же исторический довод прот. Федор расценивает как вспомогательный и имеющий относительную силу, т.е. как довод, лишь подкрепляющий уверенность во всеобщности идеи о Боге⁷³.

Следующий аргумент обоснования существования Бога, который предлагает в своих лекциях проф. Голубинский, может быть назван *психологическим* или *антропологическим*. Он также основывается на идее о Бесконечном Существом и представляет собой довод «из высших потребностей человеческой души», т.е. «потребностей познания совершенной истины, стяжания святости и достижения истинного счастья»⁷⁴. Суть довода заключается в том, что приходящее человеку стремление к данным трем высочайшим идеалам не может быть удовлетворено в полной мере ни из возможностей самого человека, ни из окружающего его предметно-чувственного мира. Поэтому единственным основанием для реализации потребностей истинного познания, добродетели и блаженства и признания их целесообразности может быть Существо Всеведущее, Всемогущее и Всеблагое⁷⁵.

Нравственное доказательство бытия Бога представлено у проф. Голубинского в формулировке Канта, при этом отмечается, что подобный кантовскому ход мысли можно обнаружить уже у Реймаруса⁷⁶. Признавая положительное значение этого довода, прот. Федор тем не менее расценивает его как один из частных, отказываясь подобно Канту признавать его исключительное значение. При этом он выступает в защиту Канта, опровергая ложные обвинения в его адрес о якобы утверждении им посредством доказательства мотива свекорыстия в нравственной деятельности⁷⁷.

Недостатками в доказательстве Канта прот. Федор считает: 1) неполное определение высочайшего блага, упускающее «весьма важную потребность — истинного просвещения и умудрения ума»⁷⁸. Проф. Голубинский полагает, что данное понятие требует удовлетворения всех высших потребностей человека, включая познавательные, а не только добродетели и счастья; 2) наличие нравственной жизни человека, которая должна быть вознаграждена счастьем, не подтверждается опытно: «в истории человечества мы не найдем опытов совершенной нравственной жизни. Следовательно опыт не представляет оснований требования полной награды для добродетели, или что то же, соединения полного счастья с совершенной добродетелью»⁷⁹. Проф. Голубинский указывает, что успешное осуществление нравственной деятельности во многом зависит не от самого человека, а от помощи Божией, что значительно ослабляет исходное положение доказательства Канта⁸⁰.

⁷³ См.: Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 56–61.

⁷⁴ Там же. С. 62.

⁷⁵ См.: Там же. С. 62–65.

⁷⁶ См.: Там же. С. 70.

⁷⁷ См.: Там же. С. 71.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 72.

⁸⁰ См.: Там же. С. 72–73.

Заканчивается первый отдел «Умозрительного богословия» изложением довода «из сознания в себе действия Божия», по своему построению напоминающего известное в современной рациональной теологии доказательство «от религиозного опыта». Несмотря на то, что данное доказательство не является всеобщим и может быть заимствовано «от примера только немногих избранных»⁸¹, проф. Голубинский все же относит его к наиболее сильным (*optima demonstratio Dei*) из всех опытных доказательств существования Бога. При этом данный довод является все же потенциально всеобщим, поскольку получение реального мистического опыта богопознания, устраняющего всякие сомнения в существовании Бога, является доступным для каждого человека⁸². Отметим, что для усиления данного аргумента прот. Федор прибегает к философским размышлениям Якоби⁸³.

Во второй главе «Умозрительного богословия» достаточно основательно представлено учение о божественных атрибутах, изложение которого включает решение методологических вопросов и подробную классификацию божественных свойств.

Разрабатывая метод своего исследования, проф. Голубинский прежде всего указывает на необходимость преодоления двух крайностей, происходящих 1) от «ума сомневающегося», отрицающего всякую возможность познания Бога, и 2) от «ума самоуверенного», утверждающего возможность абсолютного познания божественных свойств⁸⁴. В отношении первой крайности прот. Федор замечает, что без возможности естественного богопознания человек не был бы человеком, т.е. существом разумным: «Идея о Боге, как Существе Высочайшем, Первоначале, Первообразе и Цели для человека есть первое основание его разумности... человек не подлежал бы вменению, если бы не имел возможности знать о Боге»⁸⁵. Также, само отрицание возможности естественного богопознания стало бы препятствием к восприятию и распространению в роде человеческом Божественного Откровения⁸⁶. Возможность же познания Бесконечного ограниченным человеческим разумом, по мнению прот. Федора, была вполне удовлетворительно обоснована еще в античной философии принципом «однородности и единения». Рассматривая человека как микрокосм, объединяющий в себе элементы физического и нравственного мира, древние философы заключали, в силу однородности между познающим и познаваемым, к возможности познания обоих миров⁸⁷. При этом «однородность состоит в сообщенной человеку идее о Всесовершенном, в существенных стремлениях его к Бесконечному; единение состоит в действительном общении с Ним духа человеческого»⁸⁸. Указанное «единение» может обеспечить истинность познания Бога лишь при условии

⁸¹ Там же. С. 74.

⁸² См.: Там же. С. 74–75.

⁸³ См.: Там же. С. 76–79.

⁸⁴ См.: Там же. С. 80–82.

⁸⁵ Там же. С. 81.

⁸⁶ См.: Там же. С. 81.

⁸⁷ См.: Там же. С. 83–84.

⁸⁸ Там же. С. 84.

живого усвоения силы познаваемого, однако для этого «нужны не одни логические понятия, способствующие к построению системы, выражению их в словах; а нужно объятие познаваемого всем существом, не только разумом, но и волей и чувством»⁸⁹.

Опровержение второго подхода, к представителям которого прот. Федор относит Аэция, Евномия, Спинозу и Гегеля, осуществимо на основании того простого соображения, что «равное обнимается только равным, большее не может быть объято меньшим, Бесконечное конечным»⁹⁰, поэтому «чтобы сказать: я вполне постигаю Бога, надобно сказать: я равен Ему, если не выше Его»⁹¹.

Далее, дав общее, составленное из идей ума и наблюдений за миром физическим и нравственным, понятие о Боге (*generalem Dei conceptum*) как о Существе Бесконечном по бытию и духовным совершенствам и как Виновнике и Правителе мира физического и духовного⁹², проф. Голубинский переходит к подробной классификации божественных свойств, выделяя в них две группы: 1) относящиеся к Его отрешенному бытию (*ad esse Dei absolutum*) и сущности, и 2) принадлежащие Богу как Духу Всесовершенному. К первым, т. е. атрибутам, которые можно назвать метафизическими, прот. Федор относит: необходимость бытия, независимость, вечность или неизменяемость, вездесущие или неизмеримость, всемогущество, совокупность всех совершенств (*realitatum*) в высочайшей степени⁹³, простоту или безразличие (*indifferentia*) и, наконец, единство. Ко второму роду, т. н. предикатам теистическим, принадлежат: всеведение и премудрость, высочайшая свобода, святость, благодать, правосудие, блаженство⁹⁴.

Отметим, что для проф. Голубинского при рассмотрении всех свойств Божиих важно «неопустительно иметь в виду общий признак Божества — бесконечность, которая простирается на все оныя», не забывая при этом об опыте рассмотрения «отношения существ конечных к Бесконечному»⁹⁵. В то же время, атрибут бесконечности, хотя и полагается в основание других божественных

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 83.

⁹¹ Там же. С. 82.

⁹² См.: Там же. С. 86.

⁹³ Здесь речь идет о том, что Богу, как Существу совершеннейшему (*Ens realissimum*, лат. — наиреальнейшая сущность, т. е. Бог) принадлежат в высочайшей и бесконечной степени все существенности (*realitates*) или совершенства, без всякого ограничения и несовершенства. Во всех ограниченных существах мира есть примесь ограниченности и недостатка. В них бытие связано с небытием, потому что они сами из себя не могут поддержать своего бытия. Они приведены из небытия и имеют возможность возвратиться в ничто. «Эта переменчивость, сопровождающаяся переходами из состояния в состояние, показывает недохождение до всего того, что возможно по их существу, иначе сказать недостатки. Таким образом во всех ограниченных существах положительное соединено с отрицательным. Совершенное с недостатками, бытие с небытием» (Там же. С. 111). В Боге не только нет никаких недостатков, но и совершенства Его как по числу, так и по степени превосходства бесконечно превышают наше понимание, ограниченное мерой нашего опытного знания.

⁹⁴ См.: Там же. С. 90–91.

⁹⁵ Там же. С. 92.

свойств, свое собственное обоснование получает у прот. Федора в процессе последовательного изложения всех вышеперечисленных атрибутов.

Так, первое из божественных свойств, которое рассматривает проф. Голубинский — необходимость существования — обеспечивается двумя положениями: 1) идеей Бога как Существа бесконечного, и 2) через рассмотрение бытия случайного. Исходя из мысли о том, что понятие сущности выше и обширнее понятия бытия, утверждается, что только «одному Бесконечному свойственно, чтобы сущность и бытие неразрывно были соединены между собой»⁹⁶, следовательно, «предмет идеи — Бог не может не существовать, поэтому Он есть существо безусловно необходимое»⁹⁷. Во всех же конечных существах бытие и сущность не соединены, ибо бытие их начинается во времени, и потому они случайны, в том смысле, что могут быть или не быть. Другими словами, случайное колеблется между бытием и небытием и не является безусловно необходимым⁹⁸.

Особо отметим, что подробное рассмотрение учения проф. Голубинского о божественных атрибутах несомненно должно стать предметом отдельного исследования.

Третья глава — «О делах Божиих», посвящена изучению вопросов творения мира и Божественного промысла о нем. Остановимся на наиболее интересных, на наш взгляд, моментах изложения данной проблематики проф. Голубинским.

Освещение обоснования творения Богом мира предполагает, согласно прот. Федору, рассмотрение пяти частных вопросов: 1) является ли Бог виновником происхождения мира; 2) творение мира было необходимым для Бога или стало актом Его свободной воли; 3) Бог творит мир из совечной Ему материи или из ничего; 4) Бог творит мир вечно или произвел его во времени; 5) о цели творения мира⁹⁹.

Доказательство первого положения у проф. Голубинского выстраивается по линии критики материализма Эпикура, Демокрита и Левкиппа, точнее, опровержения положений последних о пространственной и временной беспредельности материи и о случайности, как причине возникновения упорядоченного мира. По мнению прот. Федора, первое положение не выдерживает критики, поскольку материя, будучи делимой и изменяемой величиной, никак не может соответствовать критериям истинно бесконечного, что делает бесконечный ряд конечных причин немислимым для разума¹⁰⁰. Согласно второму положению, требуется допустить, что движение составляет существенную принадлежность материи и что случайное столкновение атомов приводит мир к упорядоченному устройству, и, в том числе, к возникновению нравственных существ. Движение не может быть существенным свойством материи, поскольку для материальных тел является не постоянной, а изменяемой величиной, а значит, становится случайной принадлежностью,

⁹⁶ Там же. С. 94.

⁹⁷ Там же. С. 95.

⁹⁸ См.: Там же. С. 96–97.

⁹⁹ См.: Там же. С. 139.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 142–144.

требующей нахождения своей причины за пределами самой материи¹⁰¹. Нарушение принципа достаточного основания при объяснении целесообразности мира из случая усиливается неожиданным возникновением психических характеристик у атомов материи, приводящих в итоге к появлению существ свободных.

Отметим, что здесь прот. Федор при изложении своих контраргументов неоднократно прибегает к помощи Фенелона, приводя обширные цитаты из его трактата «О бытии и свойствах Божиих»¹⁰².

Также обращает на себя внимание предложенное проф. Голубинским объяснение цели творения, по мнению С. С. Глаголева, не традиционное для отечественного догматического богословия того времени, всецело опиравшегося в решении данного вопроса на католические догматики¹⁰³. В последних, на основании текста книги Притчей Соломоновых «Все сделал Господь ради себя» (Притч 16:4), цель творения мира полагалась в славе Божией. Прот. Федор, считая данное объяснение односторонним и нетвердым, предлагает собственное прочтение данного места Священного Писания, — «чтобы соответствовало Ему» или «чтобы все смирилось пред Ним»¹⁰⁴, определяя целью творения Богом мира «проявление Самого Себя и Своих совершенств в существах-разумно-свободных и вместе сообщение им Своего блаженства»¹⁰⁵.

Характеристика естественного богословия прот. Федора Голубинского

Для характеристики рационально-теологического наследия прот. Федора Голубинского необходимо учитывать факт не только методологического соответствия, но и значительных тематических пересечений естественного богословия и некоторых видов рационалистической философии. Поэтому уточнение метода философской работы и обнаружение философских влияний, которые в той или иной степени определили содержательное наполнение курса прот. Федора, будут представлять для нас непосредственный интерес.

Будучи широко эрудированным преподавателем истории философии, проф. Голубинский был хорошо знаком с философскими системами античности, Средневековья и Нового времени, а также был прекрасно осведомлен в проблематике современной ему философии.

Достаточно подробно вопрос философских влияний на прот. Федора разбирается С. С. Глаголевым¹⁰⁶. В числе наиболее сильно повлиявших философских воззрений он выделяет: 1) Платона и неоплатоников, называя их

¹⁰¹ См.: Там же. С. 145–146.

¹⁰² См.: *Фенелон, архиеп. Камбрейский*. Трактат о бытии и свойствах Божиих // *Избранные духовные творения*. Ч. IV. М., 1821. 148 с.

¹⁰³ См.: *Глаголев С. С.* Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 477.

¹⁰⁴ См.: *Голубинский Ф. А., прот.* Умозрительное богословие. С. 166.

¹⁰⁵ Там же. С. 169.

¹⁰⁶ См.: *Глаголев С. С.* Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 457–464; *Его же*. Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как православно-христианский философ // *Вера и разум*. 1898. № 3. С. 91–94.

«родственными духу нашего философа»¹⁰⁷; 2) П. Пуаре, сумевшего извлечь нужное и часто истинно христианское у Декарта¹⁰⁸; 3) Ф. Баадера, которого сам прот. Федор называл мыслителем, «носящимся выше земли»¹⁰⁹; 4) Якоби и Г. Ф. Мейера¹¹⁰ и некоторых других, менее известных мыслителей.

При этом С. С. Глаголев отмечает, что проф. Голубинский, выстраивая свою систему христианской философии и заимствуя идеи тех или иных философов, «никогда не был их слепым поклонником»¹¹¹ и «ни перед кем не склонял голову»¹¹². Указывая на эклектический характер философских построений прот. Федора, С. С. Глаголев тем не менее акцентирует внимание на его критическом восприятии исследуемых философских текстов, сопровождавшемся зачастую строгой, но всегда справедливой и обоснованной их оценкой¹¹³. Так, к примеру, несмотря на то что прот. Федор высоко ценил Лейбница, он не принимал у последнего того, что «сам он наиболее ценил у себя (теорию предустановленной гармонии)»¹¹⁴. Позитивное в целом отношение к Мейеру, ученику вольфианца Баумгартена¹¹⁵, не мешало проф. Голубинскому критически оценивать «почти не имеющую живого духа» философию Вольфа¹¹⁶, построенную во многом на произвольных началах, почти никогда не имеющих аподиктической достоверности¹¹⁷. По мнению А. И. Абрамова, прот. Федор был «уже совершенно вне очарования вольфианской философией»¹¹⁸ и его никак нельзя назвать вольфианцем¹¹⁹.

Следует отметить, что отношение к философии Канта у проф. Голубинского было неоднозначным или, лучше сказать, критически сдержанным. Он полагал, что «нам следует рассмотреть теорию Канта и что в ней есть верного, и воспользоваться тем, чего недостает, то дополнить, прочее остановить»¹²⁰. В отношении того, что прот. Федор считал верным, а что для него требовало дополнения, взгляды исследователей разнятся.

По мнению прот. Владимира Мустафина, проф. Голубинский, принимая основные посыпки кантовской гносеологии (учение об априорности пространства, времени и категорий), принципиально не выходил за ее пределы. Попытки же прот. Федора подправить Канта проф. Мустафин считает

¹⁰⁷ Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 457.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 458.

¹⁰⁹ Там же. С. 459.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 460–461.

¹¹¹ Там же. С. 462.

¹¹² Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как православно-христианский философ... С. 91.

¹¹³ См.: Там же.

¹¹⁴ Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 463.

¹¹⁵ Георг Фридрих Мейер (1718–1777) — немецкий философ, ученик А. Г. Баумгартена (1706–1757), в отличие от своего учителя, последовательного вольфианца, реформировал философию К. Вольфа, введя некоторые элементы гносеологии Дж. Локка.

¹¹⁶ Голубинский Ф. А., прот. Умозрительное богословие. С. 11.

¹¹⁷ См.: Голубинский Ф. А., прот. Лекции по философии. Вып. 1. М., 1884. С. 63–64.

¹¹⁸ Абрамов А. И. Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 206.

¹¹⁹ См.: Там же. С. 202.

¹²⁰ Голубинский Ф. А., прот. Лекции по философии. Вып. 1... С. 33.

неудачными, т. к. они основаны или на соображениях, не имеющих гносеологического характера (как в случае с пространством и временем), или на противоестественном расчленении дедукции Канта, когда принимаются посылки, но отвергаются выводы (как в случае с учением о категориях)¹²¹.

А. И. Абрамов, напротив, считает, что проф. Голубинский признает основательность кантовского учения о пространстве и времени лишь с субъективной точки зрения, т. е. как первоначальные законы чувственной способности к познанию. Однако, в отличие от Канта, он не отвергает предлежательность пространства и времени и, опираясь на Лейбница, утверждает их реальность, как способы отношения вещей вне нас¹²².

Отметим, что к «прочему», что должно быть категорически отвергнуто, проф. Голубинский относит критику доказательств бытия Божия, считая Канта неконструктивным скептиком, который «все разрушил, ничего не создал и не построил»¹²³. Также неприемлемым прот. Федор считает учение Канта о религии, полагая, что порядок отношения нравственности и религии должен быть обратным предложенному Кантом, т. е. не религия должна основываться на нравственности, а нравственность на религии¹²⁴.

Несмотря на то, что проф. Голубинский «наибольшее значение придавал философии Якоби, интерпретируемой им как восстановленный в области учения о душе платонизм»¹²⁵, называя самого философа «оригинальным, живые познания любящим»¹²⁶, все же он оставляет за собой право критического, как было выше сказано, к Якоби отношения.

Подчеркнем, что в целом проф. Голубинский обнаруживает чрезвычайно гуманное отношение к мыслителям различных религиозных и философских направлений. Он принадлежал к числу тех православных философов, которые «умеют видеть недостатки в друзьях и достоинства в противниках»¹²⁷, поэтому брал у последних, например, у деиста Реймаруса и кальвиниста Пуаре, то, что считал полезным и нужным, «имея непогрешимым коррективом православное учение»¹²⁸.

К несомненным достоинствам «Умозрительного богословия» проф. Голубинского можно отнести разработку им вопросов об условиях эффективности применения рациональных способов богопознания и эпистемическом статусе доказательств бытия Божия, наличие подробного разбора аргументов критики традиционных доказательств существования Бога (включая Кантову

¹²¹ Мустафин В. Ф., прот. Проблемы гносеологии в освящении русских христианских мыслителей (Ф. А. Голубинский, В. Д. Кудрявцев-Платонов, В. С. Соловьев и Н. О. Лосский): дисс. ... канд. богословия. Ленинград, 1973. С. 47–41. [Машинопись]

¹²² Абрамов А. И. Кант в русской-духовно-академической философии // Кант и философия в России. М., 1994. С. 92.

¹²³ Голубинский Ф. А., прот. Лекции по философии. Вып. 1... С. 65.

¹²⁴ См.: Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 463.

¹²⁵ Задорнов А., свящ. Голубинский Федор Александрович. С. 722.

¹²⁶ Голубинский Ф. А., прот. Лекции по философии: Метафизическая психология. М., 1898. С. 22.

¹²⁷ Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 462.

¹²⁸ Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как православно-христианский философ... С. 106.

критику онтологического аргумента), а также определение конечного значения или доказательной силы данных доводов для естественного богословия и формирования религиозного мировоззрения.

Следует отметить, что в современной аналитической теологии вопросу правильного применения когнитивных способностей в деле рационального богопознания, как и у проф. Голубинского, придается особое значение. Так, например, У. Уэйнрайт в специальной монографии, вышедшей впервые в 1995 г. и выдержавшей 19 переизданий¹²⁹, ставит своей целью показать, что для адекватной оценки рациональных свидетельств в пользу веры необходим освященный разум или правильное сердечное расположение¹³⁰. Автор формулирует условия, при которых достигается «совершенное состояние эпистемических способностей человека, позволяющее ему обрести доступ к объективным истинам веры»¹³¹.

В решении проблемы аутентичности доказательств существования Бога проф. Голубинский придерживался, хотя и с некоторыми видоизменениями и ограничениями, концепции Якоби, отрицавшего возможность таковых доказательств, полагая, что доказывать — значит выводить низшее из высшего, а поскольку выше Бога ничего нет и ничто не может быть причиной Его существования, то и доказать Его бытие невозможно по существу¹³². Отметим, что позиция прот. Федора не нашла поддержки у его ученика В. Д. Кудрявцева-Платонова, полагавшего, что как Кантова критическая, так и основанная на непосредственном чувстве философия Якоби оказались не в силах поколебать философскую мысль в ее стремлении исследовать рациональные основания нашей веры в существование Бога¹³³. Возражение Якоби, по мнению проф. Кудрявцева-Платонова, происходит от смешения метафизического начала бытия с гносеологическим началом познания вещей. Бог есть основание существования мира, но и мир есть основание познания Бога. В процессе своего познания человек познает не действие из причин, а наоборот, по действиям судит о причинах, хотя в реальном бытии причина предшествует явлению¹³⁴.

Проф. Н. П. Рождественский также не соглашался с Якоби и проф. Голубинским, считая предложенное последними определение доказательства

¹²⁹ *Wainwright W. J. Reason and The Heart. A Prolegomenon to a Critique of Passional Reason. Ithaca; London, 1995.* Рус. пер.: *Уэйнрайт У. Разум и сердце: пролегомен к критике страстного разума / Пер. с англ. Г. В. Вдовиной; науч. ред. А. М. Гагинский. М., 2021.* 215 с.

¹³⁰ См.: *Вдовина Г. В. «Страстный разум» в философии религии Уильяма Уэйнрайта // Уэйнрайт У. Разум и сердце... С. 11.*

¹³¹ Там же. С. 22.

¹³² Ср.: *Рождественский Н. П. Христианская апологетика: курс основного богословия, читанный студентам СПб. духов. акад. в 1881/2 учеб. г. проф. Николаем Павловичем Рождественским. СПб., 1884. Т. 1. С. 317.*

¹³³ *Кудрявцев В. Д. Начальные основания философии. Изд. 9-е. Сергиев Посад, 1915.* С. 150.

¹³⁴ *Кудрявцев-Платонов В. Д. Из чтений по философии религии // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Т. II. Исследования и статьи по естественному богословию. Вып. 3. Сергиев Посад, 1892. С. 213.*

произвольным¹³⁵. По мнению проф. Рождественского, доказательство не предполагает непременно вывод высшего из низшего: «доказывая, например, существованием дома существование его строителя, не говорим, что существование дома выше его строителя, не говорим, что существованием дома уславливается самое существование его строителя, а говорим только, что для нас, для нашего мышления, дом служит основанием заключать к бытию его строителя. Точно также и доказательства бытия Божия имеют значение для человека, а не для бытия Божия»¹³⁶. Проф. Рождественский в отношении доказательств бытия Божия придерживался того мнения, что, хотя эти доказательства нельзя считать дедуктивными, они вполне могут быть признаны индуктивными, предполагающими раскрытие того, что уже имплицитно содержится в нашем знании о предмете¹³⁷.

Отметим, что вполне можно также положительно охарактеризовать разработку проф. Голубинским дополнительного (к пяти наиболее известным, считающимся основными) довода «из сознания в себе действия Божия». Причем в современной рациональной теологии данный аргумент известен как «доказательство от религиозного опыта». По мнению С. Дэвиса, значение и сила этого доказательства, вызывавшего в конце XX в. большой интерес и сейчас еще обсуждаемого многими философами¹³⁸, определяются не тем, что оно дает достаточно прочное эпистемологическое обоснование существования Бога, а тем, что оно обосновывает рациональную подтвержденность или интеллектуальную приемлемость веры в существование Бога, что можно было бы назвать «доказательством в пользу рациональности теизма»¹³⁹. Наиболее полно в современной рациональной теологии данное доказательство представлено у Р. Суинберна, обосновавшего свою аргументацию на т. н. «принципе доверия»¹⁴⁰. Также данное доказательство достаточно основательно разработано в специальном сборнике, посвященном доказательствам существования Бога, под редакцией У. Крейга и Дж. Морленда¹⁴¹.

Размышления проф. Голубинского о значении религиозного опыта в контексте проблематики естественного богословия можно считать близкими и концепции У. Олстона. В своей книге «Восприятие Бога»¹⁴², которую можно считать примером тщательно проработанного и выверенного текста, Олстон, по мнению К. В. Карпова¹⁴³, придерживается следующей стратегии:

¹³⁵ *Рождественский Н. П.* Христианская апологетика... Т. 1. С. 317.

¹³⁶ Там же. С. 318.

¹³⁷ См.: Там же. С. 318–319.

¹³⁸ *Дэвис С. Т.* Бог, разум и теистические доказательства / Пер. с англ. К. В. Карпова; науч. ред. В. К. Шохин. М., 2016. С. 172.

¹³⁹ См.: Там же.

¹⁴⁰ *Суинберн Р.* Существование Бога / Пер. с англ. М. О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинберн. М., 2014. С. 385–428.

¹⁴¹ *Кхаймань К.* Аргумент от религиозного опыта // Новое естественное богословие. М., 2014. С. 594–656.

¹⁴² *Олстон У. П.* Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта / Пер. с англ. К. В. Карпова; под ред. А. М. Гагинского. М., 2022. 471 с.

¹⁴³ См.: *Карпов К. В.* Христианская философия Уильяма Пейна Олстона // *Олстон У. П.* Восприятие Бога... С. 18.

«во-первых, он стремится показать, что религиозный опыт может трактоваться буквально, то есть как восприятие Бога. Во-вторых, он хочет продемонстрировать, что так понимаемый религиозный опыт может внести вклад в непосредственное обоснование убеждений о Боге по аналогии с тем, как восприятие объектов повседневного опыта дает непосредственное обоснование убеждениям о них»¹⁴⁴. И хотя сам Олстон дистанцируется «от всех прочих, в собственном смысле именуемых “аргументами от религиозного опыта” в пользу существования Бога»¹⁴⁵, обосновываемая им реальность мистического опыта, предполагающая перцептивную обоснованность утверждений «Бог благ» или «Бог дал мне силы преодолеть это», самоочевидно влечет за собой утверждение «Бог существует», т.е. позволяет сделать короткий и легкий шаг к тому, чтобы обосновать убеждение о Его существовании¹⁴⁶.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что раздел о доказательствах не лишен и некоторых недостатков. Так, не вполне удачным можно считать изложение проф. Голубинским космологического доказательства. Во-первых, он еще не различает законы причинности и достаточного основания¹⁴⁷, что привносит в предложенные им обоснования некоторую неясность. Во-вторых, прот. Федор полностью игнорирует Кантову критику доказательства¹⁴⁸, что значительно ослабляет рациональное значение представленного им космологического довода и понижает в целом апологетическую составляющую его собственных рационально-теологических построений. (Отметим, что в отечественном основном богословии основательный разбор аргументации Канта по данному доказательству был предложен учеником проф. Голубинского проф. В. Д. Кудрявцевым-Платоновым¹⁴⁹, а также проф. Н. П. Рождественским¹⁵⁰.)

В 1869 г. в журнале «Странник» была опубликована пространная библиографическая статья, в которой проводился сравнительный анализ «Лекций» прот. Федора и вышедшего в 1867 г. перевода сочинения немецкого философа

¹⁴⁴ Там же. С. 18–19.

¹⁴⁵ Олстон У. П. Восприятие Бога... С. 32.

¹⁴⁶ См.: Там же. С. 34.

¹⁴⁷ Закон достаточного основания впервые стал рассматриваться в качестве логического закона со времени Лейбница, который говорил о нем как об особом законе, долженствующем занять место в логике наряду с законом противоречия. До этого закон достаточного основания смешивался или напрямую отождествлялся с законом причинности, например, понятия «causa» и «ratio» Декарта и Спинозы считались взаимозаменяемыми. Кант решительно отметил различие между двумя сходными и весьма близкими по своей природе законами (Подробнее см.: *Городенский Н. Г. Закон достаточного основания и закон причинности // Вера и разум. 1899. № 24. С. 473–588*).

¹⁴⁸ Кант обращает внимание на то, что космологическое доказательство, опираясь на опыт, заключает к существованию необходимой сущности. Но эмпирическое основание ничего не может сказать о свойствах этой сущности, поэтому разум, исследуя только понятия, совершенно расстается с этим опытом. Для Канта абсолютная необходимость есть существование, основанное на понятиях. Поэтому, как и в онтологическом доказательстве, где доказывается лишь понятие, а не реальное существование Бога, в космологическом от одной лишь возможности необходимой сущности делается заключение о ее существовании (См.: *Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 366–367*).

¹⁴⁹ Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Т. II. Вып. 2. С. 225–231.

¹⁵⁰ *Рождественский Н. П. Христианская апологетика... Т. 1. С. 329–331.*

Германа Ульрици (1806–1884) «Бог и природа»¹⁵¹. Явно симпатизируя последнему и считая его произведение в высшей степени замечательным явлением в современной литературе¹⁵², полагая при этом между двумя трудами «громкое различие в ученых приемах, в методе»¹⁵³, автор отзыва обрушивается на «Умозрительное богословие», преимущественно на его первую главу, с достаточно нелицеприятной критикой.

Так, он указывает, что в опубликованных «Лекциях» проф. Голубинского многое «недоговорено, необосновано, отрывочно»¹⁵⁴. Главный их недостаток автор отзыва видит в приверженности прот. Федора идеализму, в рамках которого выстраивается вся его система естественного богословия. Предложенные последним доказательства бытия Божия, основанные на врожденной идее о Боге, как существе Бесконечном по бытию и совершенствам, опираются на недоказанную предварительно посылку, поэтому не имеют никакого научного значения, не доказывают существования Бога и оказываются бессильным перед критикой материалистов и пантеистов¹⁵⁵. Онтологический довод, на который опираются все последующие, вообще «оказался зданием, основанным на песке»¹⁵⁶. Автор отзыва вслед за Ульрици считает теорию врожденных идей устаревшей и потерявшей всякий кредит доверия, а использованный проф. Голубинским схоластический метод доказательств бытия Божия — несостоятельным¹⁵⁷.

В отзыве указывается, что в рамках данного метода «всегда без дальних околичностей ставили в самом начале определенное христианское понятие о Боге, и в кратких, логически сформулированных, доводах старались показать, что нужно принимать бытие Божие. Все велось а priori, — строили доказательства на основании так называемых априорических понятий (бытия, бываемости и пр.), выходя из так называемой абсолютной идеи, и всегда в итоге выходило ergo est Deus; между тем такой метод в этом деле менее всего приложим и достаточен»¹⁵⁸. Таким образом, «схоластический метод, которого доселе держались при доказывании бытия Божия был причиной того, что в заключении выходило больше, чем в посылках, — он был причиной падения этих доказательств; следовательно, нужен новый метод»¹⁵⁹. Новый метод предлагается взять у Г. Ульрици, согласно которому сначала необходимо «путем обстоятельного изложения результатов строго научного исследования

¹⁵¹ Дылевский Е. Лекции по умозрительному богословию, со слов профессора философии Московской духовной академии протоиерея Федора Александровича Голубинского. М, 1868, — 232 стр. Бог и природа. Германа Ульрици. Переведено с немецкого. Том. I, под редакцией экстра-ордин. Проф. Каз. Дух. академии М. М-ского. Казань, 1867. — 329 стр. Т. II, под ред. Н. И-го и А. Г-ва. 1868. — 312 стр. // Странник. 1869. № 1. Отдел III. С. 1–34.

¹⁵² См.: Там же. С. 9.

¹⁵³ Там же. С. 1.

¹⁵⁴ Там же. С. 3, 4.

¹⁵⁵ См.: Там же. С. 2.

¹⁵⁶ Там же. С. 4.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 6.

¹⁵⁸ Там же. С. 7–8.

¹⁵⁹ Там же. С. 8.

об основе явлений природы и существовании человека показать, какое понятие о Боге требуется этими результатами»¹⁶⁰.

Отметим, что с представленными в данном отзыве критическими аргументами нельзя ни согласиться в полной мере, ни, тем более, принять категоричные выводы, сделанные на их основании.

Во-первых, необоснованным выглядит отрицание автором теории врожденной идеи о Боге на основании факта разнообразия религиозных представлений и существования атеистов¹⁶¹. В случае с последними речь ведь не идет об отсутствии у них самой идеи о Боге, а об отрицании Его бытия. Более того, для атеиста, как правило, само это отрицание психологически не является собственно интеллектуальным отрицанием бытия Бога, а скорее волевым недопущением Его присутствия в своей жизни. Истинность такого положения становится очевидной при последовательном развитии атеизма, когда последний переходит в стадию богоборчества и речь уже точно не идет об отрицании существования Бога, но лишь о ненависти к Его бытию.

Кроме того, А. Р. Фокин убедительно, на основании источников, доказывает, что «многие авторитетные отцы древней христианской Церкви — причем не только западные, но и восточные — считали существование Бога такой истиной, которая доступна человеческому познанию, опирающемуся на рациональную аргументацию. При этом, в своей полемике с язычниками использовали не только апостериорные, но и априорные аргументы в пользу существования Бога, в частности аргумент от врожденного знания или врожденной идеи Бога, вложенной в природу всех людей»¹⁶².

Во-вторых, хотя предложенный автором отзыва подход в оценке традиционных форм доказательств существования Бога имеет место в философской и богословской мысли, он не является безупречным, однозначно решающим проблему. Действительно, последний преподаватель основного богословия СПбДА прот. Нил Малахов также негативно относился к доказательствам бытия Божия, считая их содержащими скрытую логическую ошибку *retitio principii*, а потому представляющими «типичный образец прогрессивного доказательства, поскольку в них каждый раз выводят больше, чем насколько уполномочивают посылки, заранее молчаливо допуская то, что еще нужно вывести, доказать»¹⁶³.

Однако в большинстве своем представители духовно-академического основного богословия методично отстаивали возможность существования доказательств бытия Бога, при этом не только разрабатывая контраргументацию в ответ на их критику, но и создавая новые версии теистических обоснований существования Бога¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Дылевский Е. Лекции по умозрительному богословию... С. 6.

¹⁶² Фокин А. Р. Аргумент от *sensus divinitatis* и исторический аргумент в пользу существования Бога в истории патристической мысли // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 29.

¹⁶³ Малахов Н. М. Генезис религиозного сознания по доказательствам бытия Божия // Христианское чтение. 1912. № 10. С. 1086.

¹⁶⁴ См. об этом специальные статьи: Лушников Д. Ю., *свящ.* Отношение к критике Кантом доказательств бытия Божия в духовно-академической традиции конца XIX — начала XX вв. Онтологический аргумент // Христианское чтение. 2017.

Следует отметить, что в современной богословско-философской литературе также можно встретить сдержанное или, лучше сказать, осторожное отношение к традиционным доказательствам бытия Бога. Так, А. М. Гагинский указывает, что в случае рациональных обоснований существования Бога далеко не все является само собой разумеющимся, поскольку важнейшей предпосылкой для научной рациональности является допущение бытия исследуемого предмета. Однако в случае теологии такое допущение для автора является проблематичным, поскольку оно ставит Бога в зависимость от бытия, вследствие чего божественное оказывается вторичным по отношению к бытийному. Поэтому, с одной стороны, доказать бытие того, что прежде бытия, становится задачей по меньшей мере сомнительной, а с другой, когда доказывается бытие Бога, допускается, хотя бы на уровне теоретической возможности, что Бога может и не быть¹⁶⁵.

Видные современные аналитические теологи, такие как С. Дэвис, Р. Суинберн, С. Эванс, В. К. Шохин, в целом отстаивают положение, согласно которому теистические доказательства могут иметь религиозную и философскую ценность, их обсуждение не является пустой тратой времени, и они могут быть убедительными для всех разумных существ¹⁶⁶.

В отношении новаторского объяснения проф. Голубинским абсолютной цели творения можно отметить, что по мнению одного из ведущих отечественных библеистов прот. Д. Юревича, основная сложность, связанная с толкованием Притч 16:4, заключается в том, что присутствующее в нем древнееврейское слово *lm'nhw* является необычной конструкцией, — в нем есть и определенный артикль, и суффикс¹⁶⁷. Поэтому традиционный перевод «сотворил для Себя» хоть и возможен, но вступает в смысловое противоречие со второй частью стиха. Таким образом, более точным будет перевод «сотворил с определенной целью», что в целом соответствует предложенному прот. Федором толкованию.

Заключение

Подводя итог, напомним, что прот. Тимофей Буткевич, описывая историю отечественного основного богословия и отмечая, что первая кафедра по данной дисциплине была открыта в духовных академиях уже в 30-х гг. XIX в., обращает внимание на то, что в русской богословской литературе долгое время не было оригинальной системы основного или апологетического

№ 4. С. 238–252; *Его же*. Отношение к критике Кантом доказательств бытия Божия в духовно-академической традиции конца XIX — начала XX вв. Космологический аргумент // *Христианское чтение*. 2017. № 5. С. 44–50.

¹⁶⁵ См. подробнее: *Гагинский А. М.* Скрытые предпосылки рациональной теологии // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 1. С. 111–124; *Его же*. Быть или не быть? Идея Бога в философской теологии // *Вопросы теологии*. 2019. Т. 1. № 1. С. 36–49.

¹⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Лушников Д. Ю., свящ.* Основное богословие: учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2021. С. 177–181.

¹⁶⁷ См.: *Юревич Д., прот.* Библейское учение о цели творения Богом мира // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2024. № 3 (23). С. 113–115.

богословия¹⁶⁸. Данный недостаток в Московской духовной академии отчасти восполнялся «ходившими по рукам» студенческими записями лекций по естественному богословию проф. Федора Голубинского. Его лекции, в которых, по мнению прот. Тимофея, ставилась и с успехом решалась одна из главных фундаментально-теологических задач основного богословия, состоящая в рациональной подготовке к принятию истин христианского Откровения¹⁶⁹, «имели чрезвычайно сильное влияние на его слушателей, а чрез них и на все русское общество»¹⁷⁰.

Проф. С. С. Глаголев в своей характеристике «Умозрительного богословия» отмечает, что сжатый, содержательный и основательный курс проф. Голубинского не утратил своей актуальности и спустя столетия по его прочтении. Он не только не уступает современным учебным курсам, написанным под его влиянием, но даже имеет некоторые преимущества¹⁷¹. Действительно, к примеру, в части учения о доказательствах бытия Божия курс прот. Федора значительно превосходил «Введение» митр. Макария (Булгакова), долгое время считавшееся в духовно-академическом образовательном пространстве образцовым сочинением по основному богословию.

Особо отметим, что поскольку некоторые из затронутых автором «Умозрительного богословия» вопросов рационально-теологической проблематики, как было показано выше, остаются актуальными и для современной аналитической философии религии и философской теологии, можно уверенно говорить не только о чутком и проницательном уме проф. Федора Голубинского, но и считать его сочинение не утратившим, в определенной степени, своего значения для современных исследований в области основного богословия.

В целом изучение рационально-теологического наследия проф. Голубинского позволяет говорить о нем как об оригинальном, зрелом мыслителе. Великолепное знание как античных, так и современных западных философских и рационально-теологических систем и, самое главное, умелое использование всего того лучшего, что было в них представлено, стали для прот. Федора своего рода фундаментом при создании собственной системы естественного богословия. «Его учение о доказательствах бытия Божия, свойствах Божиих, миротворении и мироуправлении в Умственном богословии и богоподобных свойствах человеческой души в Психологии, можно считать едва ли не самым лучшим развитием теизма»¹⁷² в духовно-академическом богословии того времени, что во многом предопределило пути дальнейшего развития основного богословия в Московской духовной академии. В силу этого, прот. Федор Голубинский, равно как и свт. Иннокентий (Борисов), по праву может быть назван одним из родоначальников отечественного духовно-академического основного богословия.

¹⁶⁸ См.: Буткевич Т., прот. Исторический очерк... С. 445–446.

¹⁶⁹ См.: Там же. С. 446.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ См.: Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. С. 476–477.

¹⁷² Б/а. Биографический очерк и характеристика академических чтений Ф. А. Голубинского. С. 18.

Источники и литература

1. *Wainwright W. J. Reason and The Heart. A Prolegomenon to a Critique of Passional Reason.* Ithaca; London: Cornell University Press, 1995.
2. *Абрамов А. И. Кант в русской-духовно-академической философии // Кант и философия в России.* М.: Наука, 1994. С. 81–113.
3. *Абрамов А. И. Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Сборник научных трудов по истории русской философии.* М.: Круг, 2005. С. 223–246.
4. *Абрамов А. И. Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Христиан Вольф и философия в России.* СПб.: РХГИ, 2001. С. 189–209.
5. *Ансельм Кентерберийский. Прослогийон // Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Пер. с лат. Т. В. Купреевой.* М., 1995. С. 123–166.
6. Б/а. Биографический очерк и характеристика академических чтений Ф. А. Голубинского // *Лекции по философии профессора Московской Духовной Академии протоиерея Ф. А. Голубинского.* М., 1884. С. 5–19.
7. Б/а. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. Биографический очерк. М.: В типографии В. Готье, 1855.
8. *Баумейстер Ф. Х. Метафизика / Пер. Я. Толмачева.* М.: Губернская типография А. Решетникова, 1808. 295 с.
9. *Буткевич Т., прот. Исторический очерк развития апологетического или основного богословия.* Харьков: Тип. Губ. правл., 1899. 482 с.
10. *Введенский А. И. Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как профессор философии // Богословский вестник.* 1897. № 12. С. 483–507.
11. *Вдовина Г. В. «Страстный разум» в философии религии Уильяма Уэйнрайта // Уэйнрайт У. Разум и сердце: пролегомен к критике страстного разума / Пер. с англ. Г. В. Вдовиной; науч. ред. А. М. Гагинский.* М.: Академический проект, 2021. С. 7–22.
12. *Вольф Х. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России / Ред. В. А. Жучков.* СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001.
13. *Гагинский А. М. Быть или не быть? Идея Бога в философской теологии // Вопросы теологии.* 2019. Т. 1. № 1. С. 36–49.
14. *Гагинский А. М. Скрытые предпосылки рациональной теологии // Философский журнал.* 2018. Т. 11. № 1. С. 111–124.
15. *Гегель Г. В. Ф. Лекции о доказательстве бытия Бога // Философия религии: в 2 т. Т. 2.* М.: Мысль, 1977. С. 337–498.
16. *Гилева В. В. Влияние немецкого философского идеализма XVIII — начала XIX веков на русский духовно-академический теизм: дисс. ... канд. филос. наук.* Владивосток, 2009. 171 с. EDN NQPSAR.
17. *Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский (Его жизнь и деятельность) // Богословский вестник.* 1897. № 12. С. 437–482.
18. *Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский, как православно-христианский философ // Вера и разум.* 1898. № 3. С. 79–107.
19. *Голубинский Ф. А. прот. Лекции по умозрительному богословию, со слов профессора философии в МДА прот. Ф. А. Голубинского, записанные в 1841/2 учебном году студентом Академии XIV курса В. Назаревским.* М., 1868.
20. *Голубинский Ф. А., прот. Лекции по философии.* Вып. 1. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884.

21. Голубинский Ф. А., *прот.* Лекции по философии: Метафизическая психология. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1898.
22. Голубинский Ф. А., *прот.* Умозрительное богословие. Академические лекции. Изд. 2-е, доп. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1886.
23. Городенский Н. Г. Закон достаточного основания и закон причинности // Вера и разум. 1899. № 24. С. 473–588.
24. Декарт Р. Размышления о первой философии // *Его же.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
25. Дылевский Е. Лекции по умозрительному богословию, со слов профессора философии Московской духовной академии протоиерея Федора Александровича Голубинского. М., 1868, — 232 стр. Бог и природа. Германа Ульрици. Переведено с немецкого. Том. I, под редакцией экстра-ордин. Проф. Каз. Дух. академии М. М-ского. Казань, 1867. — 329 стр. Т. II., под ред. Н. И-го и А. Г-ва. 1868. — 312 стр. // Странник. 1869. № 1. Отдел III. С. 1–34.
26. Дэвис С. Т. Бог, разум и теистические доказательства / Пер. с англ. К. В. Карпова; науч. ред. В. К. Шохин. М.: Наука-Восточная литература, 2016. 278 с.
27. Задорнов А., *свящ.* Голубинский Федор Александрович // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 721–724.
28. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. М.: Мысль, 1994. 591 с.
29. Карпов К. В. Христианская философия Уильяма Пейна Олстона // *Олстон У. П.* Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта / Пер. с англ. К. В. Карпова; под ред. А. М. Гагинского. М.: Академический проект, 2022. С. 9–26.
30. Крыштон Л. Э. Кант и теологическая мысль немецкого просвещения. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2023. 328 с.
31. Кудрявцев В. Д. Начальные основания философии. Изд. 9-е. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915.
32. Кудрявцев-Платонов В. Д. Из чтений по философии религии // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Т. II. Исследования и статьи по естественному богословию. Вып. 3. Сергиев Посад: Издание Братства Преподобного Сергия, 1892. 509 с.
33. Кхаймань К. Аргумент от религиозного опыта // Новое естественное богословие / Под ред. У. Крейга и Дж. Морленда. М.: Изд-во ББИ, 2014. С. 594–656.
34. Лейбниц Г. Монадология // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.
35. Лушников Д. Ю., *свящ.* Божественные атрибуты в духовно-академическом основном богословии синодального периода // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (18). С. 50–66.
36. Лушников Д. Ю., *свящ.* Естественная теология в богословском наследии святителя Иннокентия (Борисова) // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 2. С. 263–286.
37. Лушников Д. Ю., *свящ.* Основное богословие: учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2021. 408 с.
38. Лушников Д. Ю., *свящ.* Отношение к критике Кантом доказательств бытия Божия в духовно-академической традиции конца XIX — начала XX вв. Онтологический аргумент // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 238–252.
39. Лушников Д. Ю., *свящ.* Отношение к критике Кантом доказательств бытия Божия в духовно-академической традиции конца XIX — начала XX вв. Космологический аргумент // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 44–50.

40. Малахов Н. М. Генезис религиозного сознания по доказательствам бытия Божия // Христианское чтение. 1912. № 10. С. 1082–1096.
41. Мустафин В. Ф., прот. Проблемы гносеологии в освящении русских христианских мыслителей (Ф. А. Голубинский, В. Д. Кудрявцев-Платонов. В. С. Соловьев и Н. О. Лосский): дисс. ... канд. богословия. Ленинград, 1973. [Машинопись].
42. Олстон У. П. Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта / Пер. с англ. К. В. Карпова; под ред. А. М. Гагинского. М.: Академический проект, 2022. 471 с.
43. Рождественский Н. П. Христианская апологетика: курс основного богословия, читанный студентам СПб. духов. акад. в 1881/2 учеб. г. проф. Николаем Павловичем Рождественским / Посмерт. изд. СПб. дух. акад. под ред. засл. э.-орд. проф. Андрея Предтеченского: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Типография Дома Призрения Малолетних Бедняков, Лиговка, д. № 16, 1884. 436, II с.
44. Смирнов С. К., прот. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1879.
45. Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Т. II. Исследования и статьи по естественному богословию. Вып. 2. Сергиев Посад: Издание Братства Преподобного Сергия, 1892. 347 с.
46. Суинберн Р. Существование Бога / Пер. с англ. М. О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинберн; Ин-т философии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2014. 464 с.
47. Уэйнрайт У. Разум и сердце: пролегомен к критике страстного разума / Пер. с англ. Г. В. Вдовиной; науч. ред. А. М. Гагинский. М.: Академический проект, 2021. 215 с.
48. Фенелон, архиеп. Камбрейский. Трактат о бытии и свойствах Божиих // Избранные духовные творения. Ч. IV. М.: Университетская типография, 1821. 148 с.
49. Фокин А. Р. Аргумент от *sensus divinitatis* и исторический аргумент в пользу существования Бога в истории патристической мысли // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 17–32.
50. Фокин А. Р. От разумного творения к разумному Творцу: античные и патристические аналоги аргумента от «тонкой настройки» // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 73. С. 30–40.
51. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. К.: Ника-Центр, 2002. 506 с.
52. Юревич Д., прот. Библейское учение о цели творения Богом мира // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). С. 108–118.